

ТРЕТЬИ ПРОППОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

С 20 по 22 ноября 1984 г. в Ленинграде проходили Третьи Пропповские чтения, организованные Группой общих проблем Института этнографии АН СССР и Секцией фольклора Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии. (Первые Пропповские чтения состоялись в ИЭ АН СССР в 1980 г.¹, Вторые — в ЛГИТМиК в 1982 г.). Очередные чтения были посвящены проблемам реконструкции фольклора.

В Чтениях участвовали этнографы, фольклористы, историки, археологи и музыковеды из Москвы, Ленинграда, Петрозаводска, Тбилиси и других городов. На шести заседаниях было заслушано 38 докладов, охвативших широкий круг проблем общетеоретического и методического характера и вопросов истории традиционной духовной культуры.

Чтения открылись докладом И. П. Земцовского (Ленинград) «Реконструкция представления о целостности феномена фольклорного жанра (метод и пример)». По мнению докладчика, каждый жанр имеет тенденцию к цельному отражению всей жизни данного народа и потенциально стремится охватить все сферы художественного осмысления мира. Поэтому все жанры обладают известной «самодостаточностью», говорят об одном и том же, но с разных точек зрения. Необходима теория жанрового изоморфизма как сущности жанровой системы фольклора. Для построения такой теории нужны реконструкции особого рода, способные выступить затем в качестве методологической предпосылки исследования. Реконструкция фольклора должна быть прежде всего реконструкцией народного восприятия действительности. В качестве примера докладчик привел русскую частушку, дав реконструктивное определение ее не как отдельного жанра, а как целой жанровой системы современного русского фольклора.

К. В. Чистов (Ленинград) охарактеризовал обнаруженный в архиве Д. К. Зеленина его отзыв на защищенную в июне 1939 г. в ЛГУ докторскую диссертацию В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки».

Н. И. Толстой (Москва) в докладе «К реконструкции семантики и функций некоторых славянских изобразительных и словесных символов и мотивов» изложил некоторые общие теоретические принципы реконструкции: от простейших форм к более сложным, от рисунка к орнаменту, от сравнительно-исторического анализа к типологическому и др. В качестве примера докладчик рассмотрел мифологические представления, связанные с категорией видимого и невидимого в мире мертвых.

Л. С. Клейн (Ленинград) заново обратился к решению «гомеровского вопроса»: о единстве гомеровского эпоса, об индивидуальной или коллективной природе «Илиады». Для анализа был избран каталог кораблей как наиболее структурированная часть «Илиады».

Г. А. Левинтон (Ленинград) рассмотрел возможность реконструкции на основании косвенных данных, не засвидетельствованных в какой-либо традиции, фольклорных текстов (прежде всего сюжетов или мотивов), имеющих в других традициях. Основная часть доклада была посвящена особому типу таких данных — так называемому «потенциальному сюжету» — сюжету, представленному в негативной форме (ложь, несправедливое обвинение, небылица и др.).

Дискуссию вызвал доклад А. П. Анфертьева (Ленинград) «Теоретические предпосылки фольклористических реконструкций», в котором был затронут вопрос о правомерности реконструкции культуры носителей праязыка. По мнению докладчика, реконструкция имеет смысл лишь в том случае, если есть основания допускать существование следов или дериватов исследуемых объектов или исследователь владеет знанием законов возникновения, существования и трансформации этих объектов. Докладчик считает, что не существует ни логических, ни исторических причин полагать, что у носителей генетически близких языков должны законсервироваться общие формы культуры.

Выступивший в дискуссии Н. И. Толстой уточнил данное А. А. Анфертьевым определение реконструкции: по его мнению, реконструкция — это не только восстановление несуществующих форм, но и отнесение существующих к восстанавливаемому периоду. Б. Н. Путилов (Ленинград) говорил о необходимости добавления к поня-

¹ Материалы Первых Пропповских чтений легли в основу сборника «Фольклор и этнография. У истоков фольклорных сюжетов и образов». Л.: Наука, 1984.

тию реконструкции еще двух аспектов: в диахроническом плане — представить предшествующие состояния, в плане синхронии — выявить незафиксированные разновидности, варианты.

Т. А. Бернштам (Ленинград) проанализировала русские молодежные игры с антропо-зооморфными названиями Ящер, Дрема, Олень в контексте обрядовых форм, ритуалов, поверий и фольклорных жанров. По ее мнению, эти игры содержат достаточно отчетливые следы переходных обрядов молодежи и их реконструкция поможет выявить следы общинных ритуалов и культов в славянском мире.

Ю. Е. Березкин (Ленинград) рассмотрел ритуалы южноамериканских индейцев, обусловленные представлениями о периодическом возвращении духов предков как условия существования людей и мира. Южноамериканские праздники воплощения предков и связанные с ними мифы находят аналогии в Меланезии и, в качестве реликтов, в западной и центральной Евразии — возможной прародине американских индейцев.

А. Л. Топорков (Ленинград) предложил реконструкцию полесских ритуалов, связанных с деревьями. По его мнению, смысл мифо-ритуальных отношений между человеком и деревом определяют две закономерности: перенесение на деревья таких жизненно важных категорий, как «век» и «жизненная сила» и установление отношений обмена между людьми и деревьями.

И. В. Калинин (Ленинград) рассмотрела возможности реконструкции в сфере обрядов.

И. А. Юсфин (Ленинград) в докладе «Архаические корни аттракционных форм развлечения (к проблеме внутренней реконструкции сложных социально-культурных явлений)» высказала мнение о генетической связи аттракциона с «переходными» обрядами.

Р. В. Кинжалов (Ленинград) на материале изобразительного искусства, мифологии и фольклора Древнего Востока и греко-римского мира рассмотрел семантические и культовые связи между понятиями «плести — ткань» и «создавать стихи», «предсказывать», «пророчить». Особое внимание он уделил роли в этом комплексе женских божеств и процессу постепенной замены их мужскими.

Ф. Р. Балонов (Ленинград) проанализировал аналогии в фольклорной, письменной и иконографической традициях древней Греции в передаче мифологических сюжетов.

Е. Г. Рабинович (Ленинград) проследила первоначальное значение греческого слова «нектар», обнаружив в гомеровском гимне «К Афродите» соответствие между нектаром и «мертвой водой» русских сказок, в то время как аналогом «живой воды» является амвросия.

Сравнительному анализу фольклорных, мифологических, этнографических и археологических данных при реконструкции духовной культуры были посвящены доклады ленинградцев В. Р. Янборисова («Семантика антропоморфных изображений на вальуне из могильника Кудырге (к проблеме соотношения мифа и ритуала)»), Е. И. Оятевой («Реконструкция представлений о медведе по металлической пластине Прикамья») и А. И. Семенова («Одна таволга становится тысячей. Опыт этноботанического комментария к XXIV строфе „Книги гаданий“ (Ирк билиг)»).

Д. С. Раевский (Москва) рассмотрел проблему соотношения истории и фольклорной традиции на примере рассказа Геродота о вторжении войск Дария в Скифию как достаточно близкого к оригиналу изложения скифского эпического повествования об этом событии. По мнению докладчика, описание маршрута похода, определение численности войска, хода войны и др. подчинены специфическим фольклорным схемам и на их основе нельзя реконструировать истинный ход войны.

Д. А. Мачинский (Ленинград) в докладе «Исторический фон сложения древнерусской сакральной пары Перун — Велес/Волос» высказал мнение, что и Перун, и Велес не были основными фигурами общеславянского пантеона и мифологии VI — XII вв. Докладчик считает, что пара Перун — Велес/Волос, зафиксированная в русско-византийских договорах 907 и 971 гг., по-видимому, возникла в бассейне Волхова в IX в. в качестве идеологического стержня формирующегося здесь севернорусского полиэтнического протогосударства. В ее сложении известную роль сыграли религиозные представления северных славян, славо-балтов (кривичей), балтов и скандинавов.

Е. А. Алексеенко (Ленинград) говорила о необходимости привлечения различных элементов культуры (язык, бытовая культура, обрядность и др.) для реконструкции мифологических представлений о мирах у кетов.

Л. В. Хомич (Ленинград) на примере эпических песен и других жанров фольклора самодийских народностей показала ценность этого источника для реконструкции их традиционного мировоззрения.

Я. В. Васильков (Ленинград) показал, что протосемантика ряда сюжетов древнеиндийского эпоса «Махабхарата» может быть уяснена лишь в том случае, если реконструировать для древнейшей культуры индоариев по сравнительным этнографическим данным известный институт «общего дома». Подтверждение правильности этой реконструкции может быть получено при анализе некоторых пережиточных архаических элементов в ведийской мифологии и обрядности.

В ряде докладов были предложены конкретные разработки в сфере фольклорных реконструкций. Так, В. И. Харитонова (Минск) рассмотрела вопрос о возможности реконструкции причитания у восточных славян. З. И. Власова (Ленинград) остановилась на реконструкции некоторых мотивов, формул и образов средневековья, сохранившихся в наследии скоморохов. Реконструкции отдельных фольклорных образов были посвящены сообщения Н. А. Криничной (Петрозаводск) «Элементы хтонического происхождения „родословной“ эпического героя» и Л. С. Смусина (Ленинград) «Баба Яга. Опыт реконструкции». К. Е. Корепова (Горький) предложила реконструкцию истории сказочного цикла сюжетов о чудесном супруге, Ф. Т. Евсеев (Нежин) — сюжета бытовой сказки. Н. Е. Грысык (Ленинград) предприняла попытку рассмотрения некоторых особенностей сказочной традиции (на материале сказок казаков-некрасовцев).

Вопрос о реконструкции так называемых «неполных» или «неправильных» текстов был затронут в докладе А. К. Салмина (Ленинград). С. В. Горюнков (Ленинград) предпринял попытку определить специфику мифологического смысловыражения.

Ряд докладов Чтений был посвящен проблемам реконструкции в области музыкальной культуры.

В. А. Лапин (Ленинград) в докладе «Историческая динамика локальной традиции как предмет реконструкции (на материале русского музыкально-песенного фольклора)» подчеркнул важность «музыкально-этнографической реальности» в изучении традиционной культуры. Особое внимание докладчик уделил необходимости территориально-дифференцированного подхода к понятию «русский музыкальный фольклор». Он убедительно аргументировал предположение о типологической преемственности локально-региональных традиций музыкального фольклора и о возможности сравнительно-исторического изучения динамики их развития.

Доклад В. А. Лапина вызвал большой интерес. К. В. Чистов отметил, что в нем затронут важный вопрос, так как единство этноса — это всегда единство локальных вариантов культуры.

В докладе А. Г. Юсфина (Ленинград) «Перспективы автохтонной реконструкции музыкального фольклора (на материале долганской музыки)» был описан эксперимент по достоверному досочинению народных напевов долганами, утратившими связи со своим этносом. По мнению А. Г. Юсфина, этот эксперимент позволяет предполагать принципиальную возможность возрождения угасающих элементов традиционной культуры.

Ю. И. Шейкин (Новосибирск) попытался описать интонационную культуру на музыкальном материале тюркоязычных этносов горного Алтая. Е. Е. Васильева (Ленинград) проследила историческую динамику народно-песенного мышления на примере одного ритмо-композиционного типа русских свадебных песен. М. А. Лобанов (Ленинград) высказал мнение о том, что возможности реконструкции при изучении раннетрадиционных напевов русского музыкального фольклора ограничены. В. Г. Карцовник (Ленинград) затронул вопрос о реконструкции раннесредневекового интонирования в Западной Европе. И. М. Жордания (Тбилиси) рассказал об изучении музыкальной фольклорной традиции в условиях угасания.

Заклячая Чтения, Б. Н. Путилов отметил, что они отличались широтой и многообразием. Обсуждались актуальные теоретические и методические вопросы, связанные с реконструкцией в разных сферах традиционной духовной культуры, что будет способствовать осуществлению современных задач исторического изучения фольклора, полному и конкретному воссозданию как устойчивого состояния фольклорной традиции этноса (синхронного среза), так и предшествующих состояний, изучению фольклорного процесса.

Итогом Пропповских чтений будет очередной сборник «Фольклор и этнография».

Н. Е. Грысык